

Михаил
НЕСТЕРОВ

Торный **СТРЕЛОК**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Нестеров

Горный стрелок

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119659

Горный стрелок: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-00035-6

Аннотация

Группа террористов проводит в Гималаях сверхсложную операцию. Лишние свидетели им не нужны, поэтому они без колебаний уничтожают отряд альпинистов, случайно встретившийся им на пути. Ничего этого Сергей Курочкин, отставший от товарищей, не знает. Знает только одно: какие-то отморозки положили его друзей. Знает и то, что не уйдет из этих горных ущелий, пока не отомстит за ребят. Сергей умеет смотреть в глаза смерти. И пока она отводит глаза первой.

Содержание

Глава I	4
1	4
2	13
3	15
Глава II	19
4	19
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное.

«Белая гора, высокая гора! Такая высокая, что и птица не пролетит над тобой. Позволь нам коснуться твоей вершины. Позволь мечте осуществиться. Мы будем стремиться к тебе не со спесью и жаждой насилия солдата, идущего на врага, но с любовью ребенка, который взбирается на материнские колени».

Норгей Тенцинг, первый покоритель Эвереста

Глава I

4 марта – 14 апреля, 1997 год

1

Командир отряда Ларс Шеель при всех называл его красиво – Координатор. Другие называли его посредником – с маленькой буквы. Но вот Хорст Кепке, правая рука командира, однажды услышал окончание телефонного разговора между Координатором и Шеелем. Хорсту показалось, что командир как-то привычно назвал Координатора Доктором.

Телефонный разговор подходил к концу, когда Шеель шутливо посоветовал собеседнику:

– Доктор, ты зря красишься. Легкая седина тебе к лицу.

Потом была небольшая пауза, во время которой Хорст прижался к стене у приоткрытой двери комнаты. Заглянуть внутрь он не решался.

Через несколько секунд Кепке снова услышал голос командира:

– Годы тут ни при чем, ты же не девочка. Когда я вижу неестественный блеск твоих волос, то, ей-богу, Доктор, создается впечатление, что ты непременно хочешь ею быть.

И снова – пауза. Шеель выслушал ответ и попрощался. Кепке неслышно покинул опасное место и вышел на пыльный двор базы.

Он еще не знал, что командир разговаривал с Координатором – он узнает об этом через несколько минут, – но застать себя в позе мальчика-шалуна, подсматривающего в замочную скважину, позволить не мог.

Ларс Шеель занимал отдельный домик, просторный и удобный, расположенный в глубине двора. Когда-то в нем жил директор базы со своей семьей. И сейчас на воротах можно было прочесть: «Дом рыбака. Управление Государственной Безопасности, г. Жатец». Но вот уже четыре года в притоке Эльбы Огрже – в том месте, где стоит Дом рыбака – рыбная ловля идет вяло; разве что кто-то из отряда закинет иной раз удочку, убивая скуку, торопя время. И от этого можно было сойти с ума.

Хорст Кепке начал понимать, что в его мире все перевернуто с ног на голову: ждешь не дожدهшься окончания нескончаемо длинного рыбного сезона, чтобы с головой вонзиться в работу, лихорадочно разрабатывать очередной план, выезжать на место, отрабатывать мельчайшие детали операции. Потом... блаженство, риск, быстро бьющееся сердце, полнейшее удовлетворение.

Шеелю что – ему уже под пятьдесят. А Хорсту только тридцать четыре года. Если командир уже подумывает о долгом, самом последнем отдыхе, то Кепке ждет его со страхом.

Он чувствует себя уверенно с командиром и не мыслит, что когда-нибудь тот бросит свою работу и оставит его на своем месте.

Похоже, и сам Шеель не видел в своем помощнике явного лидера и не во всем доверял ему. К примеру, Кепке не был известен Координатор. Связь с ним наладилась четыре года назад, но Шеель ни разу не произнес его настоящего имени. Координатор занимал какой-то, несомненно, высокий пост в чешских «верхах». Командир, конечно, прав: «светить» такого человека, который снабжает их бесценной информацией, нельзя. Единая и прочная связь – он и Координатор; и туманная роль Хорста Кепке на пике их организации становилась все более прозрачной. Скорее всего формирование перестанет существовать, если с командиром что-то случится. Может быть, оно распадется на две или три мелкие группы, которые легко будет подавить силам спецподразделений. Той же Германии, к примеру.

Вначале была Идея. Акты проводились во имя Идеи. Турки кусками вылетали из своих домов, грязными ошметками падали на асфальт турецких поселений в Дрездене, Герлице, Карл-Маркс-Штадте... Захлестывало упоение – немецкая земля очищалась от скверны невымытых турков, нечистоплотных арабов. Но прошли даже не годы – месяцы, а люди привыкли к взрывам, их перестали трогать известия о жертвах, извлеченных из-под обломков рухнувшего здания, взорванного автобуса. И редко кого, за исключением самих турок, стало волновать имя командира бригады «Красное спасение» Ларса Шееля.

После очередного рейда бойцы западногерманской «Красной армии» скрывались на территории ГДР. Они обменивались опытом и информацией с ведомством госбезопасности, инструкторы помогали им осваивать новинки террористического дела. То же было и с «Красным спасением».

Потом Германия стала единой. «Красную армию», числом превышающую пятьдесят бойцов, приютила госбезопасность Чехии, предоставив им базу под городком Дечин на берегу Эльбы. Ларс Шеель встал перед выбором: последовать за собратьями по борьбе на чешскую территорию или воспользоваться услугами комитетчиков соседней страны. Он выбрал первое. Теперь база «Красного спасения» – под Жатецом. И тоже на реке.

Идея, держащаяся на чешских деньгах, стала разлагаться и дурно пахнуть. И роль играли вовсе не дензнаки, а способ их получения. Это походило на довольствие: бойцов террористической организации содержали структуры госбезопасности. Деньги нужно зарабатывать самим, решил Шеель и наладил контакт с Координатором, оставляя в неведении комитет госбезопасности.

Первое задание оказалось на редкость легким. Ларсу Шеелю предложили убрать одного преуспевающего чешского бизнесмена за довольно крупную сумму. Следовало изменить почерк, чтобы комитетчики не вышли на «Красное спасение», но и оставить руку постоянной, чтобы те же службы все дальше и дальше шли в ложном направлении, раз и навсегда исключив из списка подозреваемых немецкую бригаду. Координатор же обещал долгое сотрудничество.

Бизнесмена расстреляли Хорст Кепке и Дитер Крамер в центре Праги. Так дерзко не происходило еще ни одно убийство в Чехии. На двух мотоциклах, в шлемах с тонированными стеклами, террористы догнали машину предпринимателя и расстреляли ее из автоматов. Дитер Крамер не чтит законов собственной страны, а Чехии – тем более. Когда перед ними неожиданно появилась полицейская машина и перекрыла одну из полос движения, Крамер навскидку полоснул по колесам автомобиля.

Потом были совершены три теракта в Германии. Работа по «идейным» соображениям чередовалась с работой по заказам Координатора, который давал полный расклад на клиентов, словно сообщал о самом себе: три бизнесмена, один государственный чиновник. Координатор платил хорошо.

Но день ото дня становилось все более скучно, грустную ноту вносило однообразие. Посредник, будто чувствуя настроение в бригаде, предложил нечто новое, сообразное духу и творчеству «Красного спасения». Этот заказ носил чисто террористический характер – они брали заложников с целью выкупа.

У «Красного спасения» появились свои деньги. С Координатором все стало легко и просто. Он платил сам и давал возможность заработать бригаде. Сейчас каждый из отряда Шееля мог бы тихо радоваться за «Красную армию» и посылать проклятия в сторону турок с какого-нибудь неприметного городка в Калифорнии.

Но покой оставил их, он стал таким же призрачным и невесомым, как Идея.

Что – «жить и умереть» в Чехии? Да! Но любя родину и ненавидя пришлых. Ненавидя хотя бы за то, что кто-то из них сейчас в одной постели с проституткой-немкой. И жечь каждую немку, забеременевшую не от немца; топить каждого немца, вступившего в связь с женщиной другой нации.

Кепке прикурил сигарету и, нарочито громко шаркая ботинками, вошел в дом Ларса.

– Садись. – Командир указал рукой на кресло.

Помощник взял со стола пепельницу и устроил ее у себя на коленях.

– Намечается работа, – сообщил Шеель. – Работа серьезная.

– В Чехии?

– Нет, – коротко ответил командир.

«Тогда я не пойму, отчего у тебя такой взбудораженный взгляд», – подумал Кепке. И спросил:

– Где?

Ларс пожал плечами:

– Я сам практически ничего не знаю.

Кепке повторил жест командира. Беседа заканчивалась практически ничем. Но Шеель неожиданно изрек:

– Я только что разговаривал с Координатором.

Слова командира проплыли перед Кепке, как перед колонками стереосистемы – с одного уха в другое, на мгновение остановившись в центре: Координатор... Ларс Шеель только что разговаривал с Координатором; конец этого разговора невольно подслушал Кепке. Но командир называл своего собеседника Доктором. Выходит, Координатор и Доктор – одно лицо.

Кепке затушил сигарету, сдувая с брюк пепел.

– А больше ты ни с кем не говорил?

Как бы невзначай этот вопрос не прозвучал, но Кепке решил выяснить все до конца: потом вернуться к этому разговору будет еще сложнее. Личность Координатора была столь таинственна, что невольно хотелось узнать о ней хоть что-то. И, похоже, у Кепке появилась маленькая зацепка – хоть в какой-то мере удовлетворить свое любопытство.

– Ни с кем не говорил, – ответил командир. – А что?

– Да так... – протянул Хорст. И... нашел *правдивый* ответ: – Поначалу, когда ты сказал о работе, я подумал, что мы поедem в Германию. Глаза у тебя были... Не знаю даже, как сказать. Ну... возбужденные, что ли. Может, думаю, из «армии» с кем говорил.

– Нет, сегодня у меня был только один телефонный разговор – с Координатором. – Шеель ненадолго замолчал. – Я понимаю тебя, Хорст. Ты осуждаешь меня... Ты, наверное, думаешь, что я потихоньку забываю наши идеалы. Это вовсе не так. Я помню обо всем. Но время идет, постепенно все меняется. Меняются и средства борьбы. Пойми: может быть, это только пауза, затишье. Я не слепой, Хорст, многое вижу. Я читаю по глазам. Поверь мне:

пройдет совсем немного времени, и ты поменяешь свои взгляды. В каждом из нас живет что-то великое. Оно пока дремлет, но его ресницы уже подрагивают.

– Это ты сказал?

Шеель вскинул брови.

– Ну да. А кто же еще?

Кепке пожал плечами:

– Я думал, может, Гете.

Командир в некотором смущении несколько раз кашлянул.

– Нет. Все-таки это сказал я.

«Ну вот, – подумал Кепке, – он уже смущается. Годы. Полвека уже пролетело, а у него кто-то там шевелится, пробуждается».

Ларса Шееля в отряде называли капитаном. Редко кто называл его по имени. Разве что Кепке. Самому Шеелю слышалось в этом обращении имя капитана Немо, капитана Никто. Что ж, наверное, он и есть капитан Никто. За его голову правительства нескольких стран готовы выплатить немалую сумму, чтобы податель головы мог до конца жизни плевать с порога собственного бунгало в чистые воды Атлантики.

А он живет в скромном домике у жалкой речушки, спит на панцирной койке, смотрит по спутниковому каналу программы круглосуточных новостей. И сердце его бьется ровно и спокойно, но начинает отчаянно пульсировать, когда на экране телевизора показывают горы, изможденных альпинистов и их обмороженные лица. Потом его сердце переходит на скрип, когда непослушные губы с экрана сообщают умопомрачающие цифры: Макалу – 8481; Канченджанга – 8598; Эверест – 8848...

Эти люди с обмороженными лицами покорили знаменитые восьмитысячники. Кто-то из них во второй, третий раз. А Шеель двадцать лет назад не дошел до восьми тысяч метров всего девяносто восемь. Но не потому, что не хватило сил и он сдался, просто пик Кангбахен находится на высоте всего 7902 метров. Тогда Ларс Шеель плакал, взойдя на строптивую гору: сколько усилий, сколько душевных и физических мук преодолел он, чтобы в составе интернациональной экспедиции оказаться на вершине Кангбахена! У подножья горы пик казался пределом мечтаний, а там, на самой вершине, Ларс оказался подавленным, ушибленным. Он сквозь слезы смотрел на соседний пик Канченджанги и молил бога дать ему крылья: «Только девяносто восемь метров, господи, и заberi крылья назад! Оставь меня, и я рухну вниз...»

Значит, думал Кепке, глядя на замолчавшего командира, Координатор – он же еще и Доктор, скрывающий под краской для волос свою седину. Сколько ему? Пятьдесят? Больше? Работает один или тоже является посредником в цепи координаторов?

Его заказы были не так часты, но вот уже на счету «Красного спасения» три государственных чиновника, десяток бизнесменов плюс побочные заработки, за которые Координатор не платил. Наоборот, часть выкупа за освобождение заложников Шеель передавал ему.

Прозвище – Доктор. Действительно доктор? Врач?

Кепке постарался отогнать мысли о Координаторе.

– Когда ты встречаешься с ним? – спросил он.

– Вопрос срочный. Завтра в ночь вылетаю в Прагу.

Но вылететь в намеченный срок Шеелю не удалось. В шестом часу вечера на базу прибыл майор чешской госбезопасности Йозеф Янчула.

Шеель даже не встал с койки, пожав майору руку.

Янчула по-хозяйски открыл холодильник и извлек две бутылки пива.

– Будешь? – спросил он хозяина.

Ларс свесил босые ноги с кровати и стал надевать носки. Наконец с большим опозданием ответил:

– Да.

Янчула достал третью бутылку. Пока Шеель зашнуровывал ботинки, майор успел опорожнить одну и отхлебнуть из второй.

– Еще только начало марта, а уже жарко. – Он рыгнул и допил пиво. – Как сам?

Шеель неопределенно пожал плечами и стал натягивать на себя майку.

Тучный майор с завистью смотрел на заигравшие мышцы террориста, на его бычью шею.

– Я останусь сегодня на ночь, – сообщил майор.

Дальше он мог не продолжать. Шеель с омерзением думал о предстоящей оргии. Сам он участия в ней не примет, но ближе к вечеру на базу приедут две-три машины, из них вылезут пять-шесть проституток и столько же комитетчиков. Еще не стемнеет, а проститутки уже огласят окрестности противными голосами фарисейского экстаза, им будут вторить пьяные глотки Янчулы и его однополчан.

Пожалуй, компанию майору снова составит Хорст Кепке, и ухо командира ясно различит в хоре фальшивого визга мученические крики женщины.

Кепке и в обычные дни приводил на базу смазливых чешек, но надолго никто в его домике не задерживался.

– Что ты делаешь с ними? – бросал Хорсту раздраженный товарищ.

– Как тебе сказать... Зашел бы как-нибудь да посмотрел.

– Почему они так кричат? – настаивал командир.

– Потому что бабы – животные.

Шеель допил пиво, брезгливо разглядывая на мундире майора жирные пятна. Под утро Янчула ввалится к нему и заплетающимся языком заведет нескончаемый монолог:

– Ты думаешь, «Хамас» где? А-а-а!.. Не знаешь! На Западном берегу Иордана. А кто его поддерживает? Не знаешь? А-а-а!.. Ну а все... сва... вас, немцев, кто поддерживает? Мы! Чехи!.. Мы вас кор-мим! Кормим. Вы кушаете наш хлеб! Знаешь, почему?.. Политика! Э-э-э... Ты мелко плаваешь! Ты знаешь, что такое политика госбезопасности? Это государство в государстве. Мы – Ватикан. А может, ты хочешь в Китай, Иорданию?..

...Шеель допил пиво и поставил бутылку на пол.

– Для тебя сегодня найдется брюнетка, – осклабился Янчула.

Командир передразнил его, деланно улыбаясь:

– Сегодня ночью я, как всегда, буду смотреть телевизор.

Майор сделал неприличное движение руками и захохотал.

– Тогда я оставлю ее себе. – Он еще долго смеялся. Когда приступ прошел, он деловито осведомился: – У вас все нормально? Деньги-то есть?

– Пока есть. Ты же знаешь: когда нам что-нибудь нужно, мы перешагиваем через скромность. И вот еще что. – Шеель подошел к старинному секретеру и открыл ящик. Порывшись там, он повернулся к майору, держа на открытой ладони несколько маленьких предметов. – После того как ты покидаешь мой дом, я только и делаю, что хожу и собираю за тобой «жучки». Я не буду с тобой спорить, но на сто процентов уверен, что очередную «игрушку» я найду... под уплотнителем двери холодильника.

Янчулу нельзя было смутить ничем. Подходя к холодильнику, он снова засмеялся. Повертев у себя под носом извлеченный из-под уплотнителя «жучок», он, как филин, проухал:

– У! У!

«Дурак! – Глаза Шееля говорили открытым текстом. – Ты даже не представляешь, какой ты кретин!»

Майор развалился на узкой тахте.

– Ладно, больше не буду ставить. Все равно ничего интересного.

Теперь рассмеялся Шеель.

– Вот как? *А разве ты хоть что-то слышал? А, Йозеф?* Хотя бы раз? Ну, признайся честно.

– Честно? – Видимо, майор впервые слышал это слово. Он нахмурился. – Если честно, то нет. Ведь телефонную линию-то мы оставили чистой – зачем гадить на линии? Любой профи твоего класса легко определит прослушку. А ты, Ларс, здорово управляешься с веником, подметая мои «жучки».

– Нет, – возразил Шеель. – Я здорово управляюсь с головой. У меня хороший контакт со своими же мозгами. А «жучки» больше не ставь. А то я их оставлю специально, и твои люди будут сутки напролет слушать телевизионные новости.

Янчула ответил по-немецки:

– Besten dank für ihren Rat.¹

Шеель возвратился из Праги через два дня. Хорст Кепке нетерпеливо поджидал его.

Поспешно проглатывая куски постной ветчины, командир начал разговор:

– Работа предстоит в Непале, Хорст, представляешь? Будем брать одного очень влиятельного и богатого человека.

Кепке пожал плечами: брать так брать. С вопросами он решил повременить. Но один – для продолжения разговора – задал:

– А почему в Непале?

– Начну по порядку, с чехословацкой экспедиции 1975 года в Непальские Гималаи. В состав ее участников входил Мирослав Кроужек. Он и еще несколько его товарищей совершили восхождение на Кангбахен.

Кепке нахмурился.

– Мирослав Кроужек?

Командир кивнул:

– Да, Мирослав Кроужек, вице-премьер Чехии.

– Разве он альпинист?

– Я бы сказал, что он опытный альпинист.

– Кажется, я начинаю понимать тебя, Ларс. Кроужек снова полезет в горы. Но зачем?! У него что, не хватает других радостей в жизни?

– Кто-кто, а ты-то должен знать, что это – в крови. Да, вице-премьер полезет в горы, чтобы совершить второе восхождение на пик Кангбахена. Кроужеку исполняется пятьдесят. Наверное, он очень долго думал, пока не понял, что достойнее и экзотичнее, чем на высоте восемь тысяч метров, свой юбилей не справишь. Я понимаю его, это действительно красиво – вновь взойти на пик, который ты покорил двадцать лет назад. И сделать это день в день, минута в минуту, спустя ровно пятьдесят лет с того мига, когда твой крик услышала твоя мать. – Шеель перехватил взгляд Кепке. – Это тоже сказал я, не Гете.

Кепке не прореагировал на замечание командира.

– Послушай, Ларс. Кроме головной боли, что еще мы поймеем?

– Деньги, Хорст. Большие деньги. Ты же знаешь, Мирослав Кроужек, помимо своей высокой должности, имеет очень большой бизнес. Неофициально его капитал составляет миллиард долларов. Кроужек сделал себе блестящую карьеру – от депутата одного из районов Праги до вице-премьера страны. У него высшее экономическое образование. Благодаря деньгам он – свой человек в чешско-моравской палате профсоюзов, и деньги же помогли

¹ Спасибо за совет (нем.).

набрать ему на выборах президента республики четырнадцать процентов голосов избирателей. Во втором туре он отдал свои голоса за действующего президента и получил за это пост вице-премьера. Отличная игра, большие деньги. Более солидного клиента трудно себе представить.

– Действительно трудно. – Кепке поправил рукой волнистые волосы и пристально посмотрел на командира. – Ты очень много сумел узнать о Кроужеке.

Шеель посмотрел на своего помощника удивленно.

– А как же иначе? Ведь нам предстоит иметь с ним дело. Мы должны знать о клиенте как можно больше. – И, отвечая на немой вопрос товарища, добавил: – Вся информация исходит от Координатора.

– А он точно знает, что Кроужек собирается лезть в горы?

– На сто процентов, Хорст. Координатор еще ни разу не ошибся в выборе клиента, и все проходило удачно. Верю, так будет и на этот раз. Хотя дело уникальное и сложное.

– Он с нами в доле?

– Как всегда. Хотя... – Командир чуть подумал. – На этот раз его доля не намного превзойдет нашу.

– Хорошо. Меня интересует охрана вице-премьера. Понимаешь? *Охрана вице-премьера*. Она остается охраной вице-премьера как в пустыне Сахара, так и в горах Непала.

– И именно поэтому мы беремся за эту работу. Взять вице-премьера в Праге не представляется возможным. Вот если бы Кроужека нужно было просто убрать, то я сделал бы это один. Но он нужен нам живым и невредимым. Специфика этого дела заключается в следующем: мы возьмем заложника и будем с него же требовать выкуп – без вторых и третьих лиц. Здесь главное – его личные счета в банках Швейцарии, Англии. У Кроужека есть, конечно, личная охрана – он платит телохранителям из собственных средств. Что касается Непала, то охраны там будет не больше десяти человек. Плюс восемь альпинистов.

– Почему так мало?

– Потому что премьер лезет в горы нелегально. Ни один журналист не будет знать, где отдыхает вице-премьер. И это наш плюс. Заявка правительству Непала на восхождение на гору Кангбахен была послана в виде доверительного, но секретного письма. Только двум альпинистским группам дано разрешение подняться в район Канченджанги. Это, собственно, группе Мирослава Кроужека и одиннадцати российским альпинистам, которые вот-вот прибудут на место. Правительство Непала уже не в силах расторгнуть с ними договор. Здесь полная конфиденциальность. А более безопасного места не найти. Единственная проблема для охранников – это сами горы, с ледопадами и снежными лавинами, ущельями и трещинами. Понимаешь, Хорст, тут складывается такая ситуация, когда, по сути дела, десять охранников равны десяти тысячам, но и они же равны нулю, так как ничего не смогут сделать, если случится оползень и погребет под собой вице-премьера, не смогут помочь, если их шеф сорвется с полукилометровой высоты и разобьется о скалы. В горах, где практически никого нет, охранники окажутся в роли статистов и носильщиков.

– Я согласен с тобой. Но статисты будут вооружены.

– Не больше, чем мы. Думающих профессионалов там два-три человека. А более-менее опытных альпинистов в составе самой бригады телохранителей практически нет. Теперь о спецслужбах самого Непала. В личных переговорах с королем Мирослав Кроужек во избежание огласки и утечки информации просил не ставить в известность спецслужбы Непала. Но ясно, что непальские спецслужбы так или иначе поставят в известность. По согласованию между шефом охраны Кроужека и начальником штаба внутренних войск Непала непальское спецподразделение проводит чехов до населенного пункта Гхунзу, недалеко от которого будет разбит базовый лагерь.

– Я думаю, непальский король не в восторге от затеи чешского вице-премьера.

– Согласен с тобой, но... вице-премьер есть вице-премьер. Я думаю, что он предложил королю что-то серьезное. Во всяком случае, тот согласился.

– И все же это риск. Огромный риск с нашей стороны. – Кепке пристально взгляделся в командира: «Ну, Ларс, я жду от тебя главный довод – почему ты так рьяно взялся за эту работу».

Капитан понял товарища.

– Это и мой шанс тоже, – тихо сказал он. – *Это моя гора, Хорст.*

– Да, я понимаю тебя... Кто в курсе похода Кроужека?

– В курсе только президент Чехии, семья вице-преьера, его пресс-секретарь и... мы.

Наверное, для Кепке настал тот момент, когда можно задать один из главных вопросов. Во всяком случае, для него самого.

– Я, судя по вашей с Координатором информированности, думаю, что Координатор – начальник личной охраны Кроужека.

Шеель замолчал, забыв, казалось, о затронутой Кепке щекотливой теме.

– *Ты встретишься с Координатором, Хорст. Он тоже полезет в горы. А сейчас позови сюда Фитца, Крамера, Вестервалле и Майера. Тебе предстоит нелегкая задача – ты возьмешь на себя покупку снаряжения. Пойдут девять человек. Из них опытных альпинистов – только ты да я. Правда, Вальтер когда-то баловался в Гиндукуше. Поэтому нам необходим хотя бы еще один альпинист со стороны, желательно – скалолаз. Подбором кандидатуры я займусь лично. Йохан и Вестервалле будут отрабатывать варианты отхода с вице-премьером. Наверное, это будет граница с Китаем.*

Йохан Фитц всегда избегал смотреть в глаза собеседнику, даже если этим собеседником был турок. Йохан, состоявший когда-то инструктором в курдской группировке, совершал удачные набеги на военные базы турок с иракской территории. В отряде Шееля он – третий год. Сейчас Йохан, разглядывая свои широкие ладони, обстоятельно отвечает на вопросы командира.

– Почти все мусульмане Непала живут в тераях. Их осталось не больше полумиллиона. Среди них есть настоящие саиды, потомки семьи пророка Мухаммеда.

– Они помогут нам?

– Помощи следует искать в Катманду, у мусульман-кашмири – они считают себя выше других мусульман. Чем-то напоминают евреев. У многих собственные магазины и рестораны. За деньги они помогут.

– Хорошо, Йохан. Отправляйся в Катманду и осторожно – очень осторожно! – начинай переговоры. Когда мы возьмем Кроужека, у нас не должно возникнуть помех при переходе китайской границы. С тобой отправится Мартин. У вас – как минимум месяц.

– Наверное, нам следует завербовать людей, которые проводят отряд до Гхунзу.

– Об этом я и хотел сказать тебе. Только бы шерпы не обиделись за носильщиков со стороны. Но я знаю слабые стороны аборигенов: за небольшие деньги они с удовольствием останутся в своих хижинах.

Сделав паузу, Шеель продолжил:

– Кроужека не удастся взять сразу же возле Гхунзу или у подножья горы. Во-первых, помешает не столько личная охрана вице-преьера, сколько непальский спецотряд. Да и шума не избежать. В отличие от нас, телохранители не пользуются оружием с глушителем, а перестрелки нам не миновать. Поэтому основная часть операции пройдет вдалеке от базового лагеря. Во-вторых, русские. Наверняка они разобьют свой базовый лагерь по соседству с чешским. Я думал об этом. Именно русские нам помогут, они – наша козырная карта.

Кепке, слушая командира, неодобрительно качал головой. Шеель найдет множество доводов, чтобы провести завершающую стадию теракта как можно выше. Скажи он сейчас,

что намерен взять Кроужека на самой вершине Кангбахена, Кепке нисколько не удивится. Его самого прельщала перспектива взойти на одну из самых неприступных вершин Гималаев, но уж очень резко она контрастировала с их подлинной миссией. С одной стороны – горы: величественные, гордые, до безумия красивые; с другой – деньги, не подкрепленные никакой идеей.

Хорст Кепке был вторым и последним альпинистом в отряде. Он еще помнил то трепетное состояние, которое посетило его, когда он стоял на вершине Монте-Розы. Ему казалось тогда, что он проник в некую тайну, которую уже вдыхал вместе с морозным воздухом Альп, но еще не понимал ее смысла. Что-то божественное витало тогда над ним, будто он примерял ореол всевышнего, ставшего милосердным и уступившим на время свое могущество и силу молодому немцу. Да, пожалуй, Хорст Кепке чувствовал тогда себя богом!

Спустя годы, когда притупились ощущения адских усилий, когда перестали сниться обезображенные трупы турок, Кепке стало казаться, что это не сам он взобрался на гору, а перенес его туда дьявол, чтобы показать мир с головокружительной высоты; но мысль, что он неосознанно сравнил себя с Иисусом Христом, теперь его не посещала. Хорст был одним из многих, кому искуситель показывал это, грозя пальцем одной руки, а другой – указывая себе за спину, где громоздились одна, две... пять... бесчисленное множество еще более высоких и неприступных гор. И непонятно было Кепке: эта болезненная страсть к горам – от всевышнего или от дьявола.

Сейчас Хорст уже не чувствовал прежней любви к горам, но соблазн остался. Правда, ничем не подкрепленный. Теперь появился вполне реальный повод. Бывший альпинист все чаще стал мечтательно вздыхать. Но... уже без прежнего задора.

2

Мирослав Кроужек смотрел в окно. За ним проплывали серые облака, а перед глазами вице-премьера стояла величественная Жанну – пожалуй, самая прекрасная из горных вершин Гималаев. Кроужек видел ее как наяву. Будто перенесся на двадцать лет назад, снова оказавшись в северо-восточном Непале, в массиве третьей вершины мира Канченджанги.

Он с трудом оторвал взгляд от окна и со вздохом заштриховал намеченный на чистом листе бумаги маршрут. Ничего не получалось. Слишком долго. Если бы не его высокий пост и дефицит времени, он бы снова вместе со своими друзьями из чешского Горного клуба проделал сумасшедший путь на машинах по невыносимым дорогам Турции, Ирана, Ирака, Афганистана, Пакистана, Индии.

У него скоро юбилей. Он долго думал, как лучше справить круглую дату. Идею подал Петр Миклошко, один из пресс-секретарей МИДа Чехии, с которым они не прерывали дружеских отношений на протяжении вот уже почти тридцати лет.

– Слушай, старик, – сказал ему Петр. – Не пойму, чего ты мучаешься. – И произнес это трудно выговариваемое слово: – Кангбахен.

С этого мгновенья Мирославу Кроужеку вдруг все стало просто и понятно. Мучивший его вопрос разрешился сам собой. Конечно, Кангбахен! Горы, оползни, обвалы, миллиарды тонн снега... и ледяное шампанское за его здоровье! Это даже не море, мысль о котором последнее время будоражила воображение вице-премьера, не гигантские волны, которые вызывали у высокопоставленного чиновника сильнейшие приступы морской болезни.

После разговора с Петром Миклошко Кроужек вызвал к себе начальника личной охраны.

В кабинет вошел ровесник премьера – мужчина с редкими волосами, острым и внимательным взглядом.

Кроужек предложил ему сесть.

– Скажи мне, Ян, как делать искусственное дыхание? Чувствую, после моих слов ты упадешь в обморок.

Ян Новак и бровью не повел. Казалось, он не заметил или не понял иронии шефа. Но шеф задал вопрос, и ему пришлось отвечать:

– Обычно используют метод искусственного дыхания, называемый «рот в рот». При остановке сердца используют метод...

Кроужек громко рассмеялся, жестом руки останавливая Новака.

– Я в шоке от твоих медицинских познаний! Но больше всего я потрясен твоей прямолинейностью. Ты неповторимый человек! Нет, ты просто уникален! И у меня есть для тебя такая же уникальная новость: через два месяца мы отправимся в Гималаи. Свобода, никакой цивилизации, никаких сотовых телефонов!

Новак не упал в обморок, но подумал, что чертовски устал. Горы – далекие и незнакомые (не Татры, даже не Альпы, а Гималаи) – вдруг придвинулись вплотную, и ему стало тяжело. Его шеф редко шутил. Через несколько секунд Новак понял, что давит на него не призрачный массив гор, а не менее громоздкая, внезапно свалившаяся на него работа.

Он вяло слушал Кроужека, пропустив мимо ушей, что хлопоты по снаряжению экспедиции возьмет на себя Петр Миклошко.

– Что с тобой? – спросил Кроужек. – Тебе плохо?

– Отчего же? Мне очень даже хорошо.

– Тогда не теряй времени и связывайся с Миклошко.

– С кем?

– Господи! Да ты не слушал меня! С Петром Миклошко из пресс-службы МИДа.

...Да, ничего не получалось. Мирослав согнал оцепенение. К подножью горы его доставят чуть ли не на руках. Но дальше... Вице-премьер нахмурился. На какую высоту он сможет подняться? Наверное, все будет зависеть от условий, включая и погодные. В конфиденциальной телеграмме от короля Непала говорилось, что группа Кроужека может взойти на вершину Кангбахена до начала муссонов. А в личном телефонном разговоре были определены более или менее точные сроки: с 10 до 20 апреля. И, наконец, вчера Кроужек определился точно: в Гхунзу он прибудет 15 апреля.

Все повторяется почти день в день, только с разницей в двадцать два года. В 1974 году вместе с чешским Горным клубом на штурм Кангбахена претендовали поляки, югославы и немцы. Но в домуссонный – с марта по май – период разрешение получила первая польская экспедиция в Непальские Гималаи. И только спустя год – чешская.

Тогда на подготовку ушло пять месяцев, борьба шла за каждый день. И тогда же главным было получить необходимые фонды для закупки снаряжения, оплаты дорожных расходов, покрытия валютных издержек. Это тогда.

А сейчас Мирослав Кроужек – мультимиллионер и вице-премьер Чехии – мог уладить подобные вопросы в считанные часы.

У Петра Миклошко практически все готово. Ян Новак – не очень уверенно, правда, – сообщил, что команда личной охраны готова *относительно*. Кроужек порадовался, не спросив, однако, о значении этого туманного слова.

Из предстоящей одиссеи его больше всего волновал спуск: как он и его люди, уставшие после долгого и изнурительного подъема, сумеют добраться назад. Вице-премьер твердо решил не брать проводников-шерпов: места знакомые, на трудных участках кое-где налажены перила и мостки.

Мирослав располагал очень маленьким отрезком времени. Его отпуск – ровно три недели. Это невероятно трудно – за двадцать один день взойти на вершину.

3

Сергей Курочкин смотрел на тарелку с нетронутыми пельменями. «Стрёмно как-то, – говорил он своей сестре Ирине. – Кто же на свадьбу – тем более в первый день – делает пельмени? Оригинальной хочешь быть? Это же не Новый год». Но Ирка не послушала. И вот на тебе, как и предполагалось: все пьяные, пельмени нетронуты, невеста почти не целована.

Дело, конечно, не в пельменях. Сергей чувствовал, что гости просто *дорвались*. Как будто их неделю держали в холодном погребе. Они несколько раз скороговоркой бросили: «Горько!» – и давай глушить водку!

Сергей первый раз видел, чтобы с такой скоростью зашибали сорокаградусную. Сначала он качал головой: «Вот это да!» Потом не так восторженно: «Да...» А потом замолчал, сосредоточившись на остывших пельменях.

А Ирка смотрела на него глазами, готовыми лопнуть от смеха. И сам Сергей боялся поднять голову: встретится глазами с сестрой и не выдержит.

Он взял вилку и зацепил пельмень.

Холодный – от этого не сочный и не вкусный.

Пожевал, ища глазами, куда бы выплюнуть. И встретился все-таки с Иркиным взглядом.

Сестра уронила голову на руки и затряслась от смеха. Фата съехала набок.

Колька – муж ее – громко и неестественно трезво спросил:

– Ир, ты чего, а?

Серега давился пельменем, но чувствовал: «Нет, не проглочу. Не успею».

Пельменные крошки ударили в нос. Серега закашлялся. Глаза покраснели. Он выскочил из-за стола и чуть было не сбил с ног какую-то женщину. Та, не переставая плясать, схватила его за руку и обдала водочными парами:

– И-и-их!!

Сергей узнал в ней двоюродную тетку.

– Теть Саш, отпусти. Нехорошо мне.

Тетка схватила его за голову и поцеловала в засос.

«Вот спасибо!» Сергей, вытираясь рукавом рубашки, выскочил из избы.

У порога толпились десятка полтора деревенских пацанов. Белобрысый – старший, лет двенадцати – громко зашептал:

– Вот он! Альпинист! – И уже во все горло: – Дядь Сереж, ведь ты альпинист?

– А? – Курочкин снова закашлялся, стараясь выпустить воздух через нос. Получилось, как у чахоточного. – А... Да... Гималайский.

Он перевел дух.

– А ты когда в горы, завтра?

– Чуть свет...

– Здорово! А мы тебя по телику видели, в «Клубе кинопутешественников». Здорово ты, без ног, на одном пальце. А внизу пропасть показали!..

Кто-то тронул его за плечо.

Сергей обернулся. Ирка.

– Ну как, посаженный отец, полегчало?

Он махнул рукой и промокнул платком слезящиеся глаза.

– Я ж не нарочно, Сереж. Откуда я могла знать, что ты им подавишься.

– А я тебе говорил, что это не Новый год! Нет, я вообще в первый раз вижу, чтобы на свадьбу варили пельмени!

– Я ж специально для тебя. Отвык, думаю, от домашней пищи. А тут пельмени, деревенские. Тебе, Сереж, питаться надо хорошо. Смотри, какой худой.

– Это моя норма: 191—79.

– А бедра?

– Чего бедра?

– Диаметр.

– Ир! Мне завтра уезжать!

– Не буду, не буду.

– Не буду... Все из-за тебя. Наши, наверное, уже ледопад прошли. Представляешь, в каком темпе мне их догонять придется?

Ирина покачала головой:

– Не представляю. Не представляю, если бы тебя не было на свадьбе. Ты один у меня. Сергей виновато глянул из-под выгоревших бровей и обнял сестру.

– Да ладно... Я же здесь.

– Да, здесь. Раз в год приезжаешь. Между прочим, я обижаюсь на тебя.

– У меня, Ир, работа, профессия. Вот твой Колек кем работает?

– Сварщиком.

– Вот отбери у него сварочный аппарат, что будет?

– Что будет? Обрадуется.

– Да-а... – Сергей шумно выдохнул. – Думаю, вы меня никогда не поймете. А казалось бы, должны с полуслова. К примеру, начальник экспедиции. Я говорю ему: «Николаич, сестра замуж выходит, один я у нее. Она до последнего тянула, молчала. А из-за меня одного свадьбу никто переносить не станет». Знаешь, как неловко было. Еле выдавил, как будто милостыню просил, что я посаженный отец. И Николаич все сделал, индивидуальный пропуск выхлопотал, замену мне не стал искать. Спросил только: «К такому-то числу успеешь?» Нас ведь двое скалолазов в экспедиции – я и Славка Мусафиров. Удачное восхождение во многом от нас зависит. Николаич усадил меня в своей комнате и включил видео. Я по записям других экспедиций изучил первый этап маршрута. А ты говоришь: обрадуется. Не та профессия у Кольки. Или не любит он ее.

– А за что ее любить? Ему начальник по виду не крутит, как и что там приварить. Он пришел на работу – уже хорошо. Есть работа – нормально. Нет – еще лучше.

– Сижу курю, что ли?

– Да хоть и так.

– Понятно. Зло и конкретно.

– Нет, это ты злой стал. Как будто не здесь родился. И внешность... даже не городская, а иностранная.

Сергею жаль было расставаться с сестрой, но он торопил время, его манили горы. Пока еще только Кангбахен, не доросший до восьми тысяч всего девяносто восемь метров.

Прямого авиарейса на Катманду не было, и Курочкин летел через Дели. Он остановился напротив стойки таможенного досмотра и опустил багажную сумку на пол. Шоколадного цвета таможенный офицер даже не взглянул на нее. Раскрыв паспорт Сергея, он уронил одну единственную фразу:

– Сколько наличных денег вы вывозите из страны?

– Две с половиной тысячи американских долларов.

Офицер-индус поверил на слово.

Сергей нагнулся за сумкой, но уловил липкий взгляд худого носильщика с тележкой. Для солидности у него на бейсбольной кепке было написано: «Дели-Сити. Аэропорт». Курочкин подмигнул ему.

Носильщик моментально оказался рядом и переложил багаж на тележку.

– Компания «Дели-эйрлайнз», – сказал ему Сергей, – стойка 4.

– Да, сэр. – Носильщик стал похож на водителя многотонного грузовика. – Сделаем, сэр. Летите в Катманду? Полезете в горы?

– Да, сэр, – весело передразнил его скалолаз. Он на голову возвышался над носильщиком и мог без труда доставить к трапу самолета его вместе с тележкой.

В Катманду Сергея встречал человек с табличкой на груди: Sergey Kurotchkin. Альпинист махнул рукой и быстро направился к нему.

– Добрый день. Курочкин – это я.

– Здравствуйте. Я узнал вас. Алекс Скоков довольно точно описал вашу внешность. Вы похожи на шведа.

Встречающий убрал табличку, взял из рук Сергея сумку и уже на ходу продолжил:

– Я на машине. Если вам ничего не нужно в городе, мы сейчас же можем отправиться в Гхунзу.

Сергей мысленно поблагодарил начальника экспедиции Александра Николаевича Скокова: отпадала необходимость искать если не попутную машину, то вести препирательства по поводу оплаты. В Катманду, как и в любом восточном городе, с ходу заламывали баснословные суммы.

– Вам заплачено? – поинтересовался Сергей, влезая на переднее сиденье открытого джипа.

Водитель, чуть помешкав, кивнул:

– Да. Но ваш босс сказал, что я могу рассчитывать on the tip. – Непалец говорил по-английски с сильным акцентом, но слово «чаевые» произнес безукоризненно.

– Договорились. – Сергей откинулся в кресле, и водитель, ловко лавируя среди бесчисленных машин, быстро покинул автостоянку аэропорта.

– До Тапледжунга доберемся засветло, но там придется заночевать. – Водитель взял на себя роль чичероне и сказал что-то непонятное: – Тамракар.

– Что? – Сергей, закончивший факультет иностранных языков, удивленно повернул к нему голову.

– Это мое имя, – довольно улыбнулся непалец. – Но вы можете звать меня Там или Кар, как вам удобно. Хотя я предпочитаю, чтобы меня называли полным именем.

Сергей не запомнил полного его имени, поэтому остановил свой выбор на Каре.

– От Тапледжунга поедем не так быстро, – продолжил Тамракар. – Но уже на подступах к Гхунзе, если позволит погода, вы сможете увидеть Канченджангу. Вы знаете, что по-непальски Канченджанга – «пять сокровищ большого снега»?

Сергей кивнул. Он много читал о Гималаях, мог бы и сам порассказать непальцу и о знаменитых вершинах, восемь из которых превышают восемь тысяч метров, и о бесчисленных экспедициях. Тамракар сильно удивился бы, если бы пассажир стал называть ему имена его земляков шерпов, совершивших восхождение на Эверест: Норгей Тсенцинг, Навенг Гонбу, Анг Фу, Мингма.

Джип Тамракара бойко несся по неровным дорогам малярийной долины Тамура. От обочины дороги вверх тянулись зеленые холмы, солнце палило до одури – наверное, к вечеру должна была разразиться гроза.

...Гроза бушевала всю ночь. К утру выпал снег. Джип еле-еле взбирался по горной дороге. Тамракар, не переставая, твердил о дополнительных чаевых, так как «непредвиденно задерживается».

Сергей кивал ему: о'кей.

Впереди показались строения Гхунзы. Сергей облегченно вздохнул. Из Гхунзы он пойдет пешком: лесом и – на каменистый склон, откуда его взору откроются крутые вершины шеститысячников. И там, у подножья...

Сергей даже не представлял, что ждет его дальше.

С вечерней прохладой в долину Рамтанга вползал кошмар.

Глава II

13—15 апреля

4

Ларс Шеель отдал распоряжение, и отряд остановился. Алина Райдер сбросила тяжелый рюкзак и села, прислонившись к нему спиной.

Три часа пополудни. Шеель огляделся.

Слева нависла белая шапка Рамтанга, справа – четкие очертания ледниковых ребер Белой Волны. Впереди – громадная ледовая гора.

Взгляд Шееля заскользил по глубоким трещинам ледопада: выше, выше... Солнце отражалось от ослепительно белого снежного покрывала и не давало смотреть. Глаза заслезились, но капитан разглядел смутные очертания Кангбахена.

Он повернулся к отряду.

– Мартин и Дитер ставят палатки. – Указав рукой слева от себя, на скалистое подножье Рамтанга, он посмотрел на Алину. – Ужинать будем через полчаса. Возьми себе в помощь Хорста.

Райдер подобрала ноги в тяжелых ботинках и резко поднялась.

Шеель невольно окинул взглядом ее стройную фигуру. На Алине – короткие шорты, белая майка без рукавов с предельно откровенным вырезом на груди. Через плечо – кожаный ремешок с широким ножом в ножнах. Белый платок, завязанный под подбородком, и солнцезащитные очки довершали ее наряд.

Алина встречала отряд Шееля в Катманду. Командир, слегка улыбаясь, представил ее: «Алина, наш скалолаз». Хорст Кепке медленно качнул головой, вспарывая глазами белую майку на новом члене отряда.

Капитан еще на базе говорил о скалолазе, заочно представляя его как универсального альпиниста, но увидеться довелось только здесь, в долине Катманду, под серой крышей аэропорта.

Алина – немка, ей 32 года, в свободное от работы время «балует» горами, в Гималаях второй раз. Шеель так и не сказал, где он познакомился с Алиной, только обмолвился помощнику, что они будут делать общее дело.

...Хорст недружелюбно бросил взгляд на Шееля. Вчера, поздно вечером, когда был разбит бивак и люди на скорую руку поужинали, Кепке поджидал Алину за темными стволами елей. Справа и слева от лагеря шел довольно крутой обрыв, переходя в широкое русло реки. Быстрый поток прижимался к противоположному берегу; сейчас он мелок, но в сезон муссонных дождей наберет силу. За полчаса ожидания Кепке сильно промерз. Но мысли о женщине, которой он подмигнул и получил в ответ такой же маячок, грели Кепке. Когда он уже перестал чувствовать пальцы ног, от смутных очертаний одноместной палатки Алины отделилась ее крепкая фигура. Кепке почувствовал жар во всем теле. Ему бы поговорить для начала, однако он грубо схватил Алину за плечи и рванул к себе.

Ледяной ствол «вальтера» больно ткнулся ему в щеку.

– Только попробуй дернуться, – предупредила Алина, – вышибу мозги, понял? – Она слегка повысила голос и чуть придавила курок пистолета.

Кепке молчал. Сейчас он был готов на все, но холодный профессионал говорил в нем, что выстрел из «вальтера» прозвучит сотой долей секунды раньше любого его действия. И еще он понял, что Алина тоже профессионал.

Он расслабился.

– Зачем тогда подмигивала?

– Тренировалась. Я грубая, Хорст, как мужчина, и хотела получить чуточку нежности. Видно, мы не поняли друг друга. Так что удовлетворяйся в одиночестве.

С этого мгновения в Кепке начала тлеть злоба.

...Алина легко закинула за спину двадцатитрехкилограммовый рюкзак и тихо присвистнула, кивнув головой Хорсту: «Пошли».

Капитан подозвал к себе Мартина Вестервалле и Вальтера Майера.

– Ступайте к лагерю русских. Снимите общий план, расположение палаток. Но самое главное – посчитайте людей. Возможно, небольшая группа отправилась из базового лагеря через ледопад для закладки лагеря номер один. Их должно быть одиннадцать человек.

Вестервалле и Майер возвратились через два часа, когда были уже разбиты палатки и готов обед.

– Их только десять человек, капитан, – доложил Вестервалле. – У тебя точные сведения о составе русской экспедиции?

– Точнее не бывает. Вы хорошо посчитали? Их ровно десять? Не девять, не восемь? Два-три человека – уже группа, они могли остаться за ледопадом, если, конечно, они именно сегодня решили разбить лагерь номер один.

Вестервалле покачал головой.

– Десять, это точно. Каждого в лицо запомнили.

– Ну хорошо. Может быть, кто-то приболел и лежит в палатке. Послезавтра здесь появятся чехи во главе с Мирославом Кроужеком. Медлить нельзя, по времени – идем впри-тык. Даже опаздываем. Ледопад – очень трудный участок, нам нужно пройти его до прихода чешской экспедиции и подняться как можно выше, чтобы оказаться в зоне недосягаемости непальского спецотряда. Единственное место, где могут расположиться солдаты, – там, где сейчас русские. А оттуда открывается обширная панорама, у них все будет как на ладони. Мы должны пойти в авангарде чешского отряда и суметь подготовить хорошее место и достойную встречу. Но, повторяю, забраться предстоит высоко. Иного выхода нет.

Командир посмотрел на наручные часы: 15.07.

– За работу.

Слава Мусафиров первым заметил группу людей, неспешно направляющихся к базовому лагерю.

– Александр Николаевич, – громко крикнул он. Из ближайшей к нему палатки показалась взлохмаченная голова руководителя российской экспедиции.

Мусафиров указал рукой в сторону леса.

– К нам гости.

– Вижу. – Скоков вылез из палатки, надевая кепку с длинным козырьком. К нему присоединились остальные альпинисты. Они с удивлением смотрели на группу людей, явно европейцев, возглавляемых высоким широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Как и у Скокова, у него была короткая с проседью борода.

«Кто бы это мог быть?» – подумал Александр Николаевич, зная, что, кроме российской экспедиции, до начала муссонов разрешения на восхождение на Кангбахен не получил никто. Он располагал точными сведениями.

Когда гости приблизились, Скоков приветствовал их на английском:

– Здравствуйте.

Старший в группе жестом остановил своих товарищей. И – обнажил короткий ствол автомата.

Русские альпинисты невольно отступили к палаткам.

– Не двигаться! – предупредил Шеель. И назвал две фамилии: – Скоков, Паненка.

Ответом послужило молчание. Русские с нарастающим беспокойством смотрели на вооруженных людей и не двигались с места.

– Вы Паненка? – Капитан повел стволом в сторону тридцатилетнего Виктора Лукичева. Тот покачал головой.

Прозвучал одиночный выстрел. Пуля пробила Виктору шею, и он, схватившись рукой за простреленное горло, медленно опустился на землю.

– Всем оставаться на местах! Не двигаться! – прозвучало повторное предупреждение. Немцы взяли русских в кольцо.

– Кто из вас руководитель экспедиции? Вы? – Шеель подошел вплотную. Ствол автомата уперся в грудь Скокова.

– Да, – выдавил из себя Скоков.

– Рад познакомиться, Александр Николаевич. Меня зовут Ларс Шеель. А теперь представьте меня своему радисту. Это он? – Капитан кивнул на невысокую фигуру Мусафирова.

– Я радист. – Вадим Паненка поднял руку.

Шеель проигнорировал его инициативу.

– Значит, не вы? – Он продолжал смотреть на второго скалолаза экспедиции. – Тогда назовите себя.

Скоков сделал протестующий жест, но тут же был сбит с ног сильным ударом. Йохан Фитц ударил его в солнечное сплетение и равнодушно смотрел на скорчившуюся фигуру у себя под ногами.

К Вадиму Паненке подошел Кепке.

– Вы совмещаете должность офицера по связи и врача экспедиции? – И, не дав тому ответить, дал длинную очередь из автомата по Мусафирову.

Еще восемь стволов дернулись, следуя прицелами за убегающими и прикованными к месту русскими альпинистами. Последним упал Игорь Шевченко, раненный в спину. Алина Райдер добила его из пистолета, положив пулю точно в висок.

Для Шееля, вставшего утром первым, предстала обычная картина: палатки, выпавший за ночь толстый слой снега; гора, сверкающая на солнце, и по-настоящему первый трудный участок пути – ледопад, сераки,² бездонные щели.

Легкой трусцой он за двадцать минут добежал до базового лагеря русских.

По нему сновали завербованные Йоханом Фитцем непальцы-факиры – самые бедные и жестокие из мусульманских сословий Непала. Они уже начали сворачивать палатки. Другой скarb, включая альпинистские принадлежности и съестные припасы, непальцы увязали в огромные баулы.

Шеель с сомнением покачал головой: смогут ли они унести все это?

Но факиры взвалили на спины узлы и бодро зашагали по камням в противоположную от Кангбахена сторону.

Командир возвратился в свой лагерь.

Плотно позавтракав – обязательное правило, вошедшее в привычку, – отряд размеренным шагом двинулся к ледопаду.

У его подножья Шеель остановился. Раньше здесь был базовый лагерь русских. Сейчас же ничто не говорило о его недавнем существовании: факиры подобрали все, не оставив ни одной бумажки.

² Сераки – выступы на поверхности ледника в виде зубцов и шпилей.

Капитан равнодушно обвел глазами пустое место и устремил взор на лабиринты ледопада, ощупывая его верхний ярус, который представлял из себя систему террасированных образований, разделенных сераками и ледовыми расщелинами: Шеель мысленно прокладывал путь. Первые повороты льда можно обогнуть, но, чтобы достичь полки второго нагромождения, придется, увязая по пояс, пробираться через глубокий снег. Дальше – хуже: глубокие трещины и более глубокий снег...

Было девять часов утра, а солнце нещадно сжигало неприкрытые плечи. Шеель, разделенный по пояс, шел во главе колонны. В некоторых местах он проваливался по плечи, и пар от разгоряченного тела клубился над командиром. Кое-где встречались более-менее сносные участки – там верхний слой снега был покрыт толстой коркой; тогда удавалось перекатиться по нему или пройти несколько метров на четвереньках.

Вторым шел Дитер Лемке, третьим – Йорг Больгер. Четвертой – Алина Райдер. Замыкали шествие Йохан Фитц, Мартин Вестервалле и Хорст Кепке.

Алине в середине цепочки идти было легче всех, труднее всего – Ларсу. Капитан прикинул, сделав пятиминутный перерыв, что до плоской зоны в середине ледопада осталось около ста метров. Идти приходилось с полным грузом, отсутствие базового лагеря – необходимого в горных экспедициях – делало переход изматывающим. Плюс ко всему новички, которые впервые в жизни находились на такой высоте.

Шеель обернулся на Лемке. Тот тяжело дышал и постоянно отирал лицо колючим снегом. Командир подбодрил его:

– Ничего, Дитер, скоро будет полегче. – А про себя подумал: «Правда, ненадолго...» Это *скоро* быстро закончится и наступит *потом*, когда придется трудно даже ему, альпинисту со стажем.

Шеель возобновил путь. Вот она – последняя, запорошенная снегом трещина. Командир помог Лемке, а потом они вдвоем втащили Больгера и Алину. Вслед за ними на краю трещины оказались остальные члены отряда.

Шеель в мощный бинокль оглядел подножье ледопада: никакого движения. Координатор дал расклад вплоть до минуты. Чехи появятся только завтра к вечеру. Временем пренебрегать не стоит: темп и еще раз темп. Это ничего, что на протяжении нескольких дней группу Шееля можно будет наблюдать с подножья ледопада в бинокль: они попадут под оптику и непальских солдат, и спецов из личной охраны Мирослава Кроужека. Но это входило в планы Шееля.

В двенадцать часов дня прошел короткий дождь. К этому времени отряд преодолел пологий участок ледопада. Теперь путь террористов шел под снежными карнизами, с которых, подобно сталактитам, свисали серебристые сосульки.

Вынужденная остановка. Единственный путь – через снежный карниз. Шеель отыскал глазами Алину.

Райдер сбросила рюкзак и подошла к совершенно вертикальной снежной стене. На ногах Алины – ботинки с жесткой подошвой и такими же жесткими выступами. Ими она выдолбила ступени и, выплюнув жевательную резинку, высоко подняла руки. Найдя опору, она выбросила тело вверх, погружая пальцы рук в снег. Ноги мгновенно нашли опору. Еще один рывок – Алина уже на два метра возвышалась над товарищами.

На ней – шорты и шерстяные гетры, закрывающие икры. Рельефные бедра покраснели. Кепке с полуулыбкой провожал взглядом ее третий и последний рывок.

Алина укрепила наверху брошенную ей веревку и страховала членов команды, по одиночке забирававшихся на карниз.

Глаза Хорста блеснули, когда влажная ладонь Алины встретила его пальцы.

Она подмигнула ему и сильно дернула к себе.

Они сидели друг перед другом на коленях. Кепке не отпускал ее ладони.

– Не надо, малыш, – прошептала Алина, большим и указательным пальцами сжимая запястье Кепке.

Сухожилие на руке обожгло. От приема джиу-джитсу его хватка моментально ослабла.

– Сегодня вечером встретимся? – так же шепотом спросил Хорст.

– Конечно, если тебе понравилось. Надеюсь, ты вчера удовлетворился?

– Еще бы!

– И где это произошло – за соснами или в спальном мешке? Мне кажется, сквозь сон я слышала какое-то хрюканье.

– Итак, до вечера?

– До вечера, мой грубиян.

Солнце раскалилось настолько, что лабиринт верхнего яруса ледопада очистился от снега как-то стремительно, расщелины и трещины визуально увеличились. Высота – 5600 метров.

– Красиво! – Алина сделала несколько десятков шагов и сняла платок, на некоторое время подставляя шелковистые волосы под палящие лучи солнца. Прямо над ней высился склон, выше его – семидесятиметровая стена. Чуть левее – карнизы, а уже за ними виднелось скальное ребро Мыши.

«Вот сука!» – хмыкнул Кепке. Он никак не мог взять в толк, как такая женщина может восторгаться хоть чем-то более или менее возвышенным. Но родина Алины – горы, она выросла в Альпах.

К ней подошел Шеель и указал рукой на высшую точку карниза – там круто вверх уходила ледовая стена.

– Места знакомые. Когда-то я выходил на этот перевал, а оттуда – на ребро Кангбахена, ключевой пункт 7535. До нас этим путем шли югославы и поляки.

Алина кивнула:

– Я знаю.

Капитан вытер пот со лба и громко высморкался.

– Подниматься будем здесь. Дальше – через террасу, до подножья скальной башни и – на перевал. А там и до ребра рукой подать.

На западе ребро Кангбахена прерывала ледовая башня, которая сливалась с продолжением грани Белой Волны.

Алина молча согласилась, завязывая платок и оставляя открытыми только глаза.

– По кулуарам лезть рискованно. – Алина говорила об опасности схода лавин. Немка вытянула руку в сторону снежной башни, откуда уходила трещинами цепь сераков, переходившая ниже седловины на ребре в широкий снежный кулуар; там отчетливо виднелись желоба, образованные лавинами.

– Да, серединой кулуара подниматься небезопасно, – согласился с ней командир. – Будем подниматься по его борту.

Солнце уже наполовину скрылось за Белой Волной, дно долины стало заполняться синеватой дымкой. Время для тумана слишком раннее. «Только бы завтра его не было», – подумал Шеель и приказал разбить лагерь.

Алина расстелила перед собой салфетку и быстро разобрала автоматический пистолет «М-1911», кастомизированный по специальному заказу. В маленьких руках Алины пистолет казался огромным, больше похожим на автомат. Громоздкость ему придавал и оптический прицел.

Хорст Кепке проверял на коленях боеспособность своего «гепарда», компактного автомата с магазином на сорок патронов «гром», которые пробивают шестимиллиметровую стальную пластину с расстояния 400 метров. Сухая характеристика этого автомата гласит:

«гепард» удобен при скоротечных огневых контактах, которые носят интенсивный характер».

«Гепарды» были еще у троих боевиков Ларса Шееля. Сам командир отдавал предпочтение бельгийскому «Р-902».

Оружие купили в Бутвале, на границе с Индией. Йохан Фитц, получивший от Шееля месяц времени и солидный кредит, хорошо заплатил хозяину ресторана в Катманду, и тот созвонился со своим человеком. Подвал дома торговца оружием в Бутвале потряс даже выдавших виды террористов. Фитцу и Вестервалле с трудом удалось отказаться от «стингеров» и противопехотных мин. Йохан тут же позвонил Шеелю. Командир, находящийся за тысячи километров, облегченно вздохнул.

Фитц и Вестервалле, уладив дела в самом Катманду, наняли людей и – по перевалам через хребты Гималаев – свободно пересекли китайско-непальскую границу. Особого труда это не составило: переселенцы из Тибета, у которых остались в горах родственники, наладили постоянное движение через границу, протоптав босыми ногами широкую дорогу. А китайские и непальские пограничники давно уже перестали обращать внимание на вьючных путников.

Итак, путь для вице-премьера определен окончательно. Люди Ларса Шееля лично прошли этой дорогой. Оставалась главная часть операции, где террористам будут противостоять горы и личная охрана Мирослава Кроужека.

5

Лес постепенно редел, открывая впереди голубоватый простор ледопада. Вечерело. Однако было довольно тепло. Сергей переобулся в гибкие, но прочные стандартные альпинистские ботинки. Каучуковая подошва мягко пружинила на сплошном ковре из хвойных иголок.

Багажную сумку скалолаз приспособил наподобие рюкзака, используя широкие и длинные ручки. Было не совсем удобно, и Сергей поминутно встряхивал непослушный багаж, сползавший к пояснице.

Внутри сумки позвякивали несколько пар стальных карабинов и костылей и невесомо ощущались два двадцатипятиметровых мотка нейлонового шнура – подарок Пьера Батса, известного французского скалолаза.

Оставляя за спиной последние сосны, Курочкин остановился. Где-то совсем рядом должен быть базовый лагерь. Он прислушался: тишина.

Может, их еще нет?

Но Сергей, прежде чем подняться сюда, отметил на контрольном посту Гхунзы. Около часа он плутал в хвойном лесу, мимоходом полюбовавшись чортэном, раскрашенным тибетскими знаками, пока не набрел на нужное ему здание.

Офицер-непалец бегло осмотрел документы Сергея и кивнул головой:

– Russian expedition going to the peak Kangbachen. – И махнул рукой в сторону двери. – Go, go. Catch up, overtake. Understand? We are be posted on about your.³

Сергей понял его, хотя непалец не очень точно строил английские предложения.

А тот продолжал торопить его:

– Идите, идите. И не забудьте, что со службой спасения можно связаться по гражданскому диапазону.

– А разве вы нигде не зафиксируете мое прибытие? У вас есть регистрационный журнал? – спросил Курочкин.

Непалец изобразил на лице широченную улыбку:

– Вы непременно хотите, чтобы вас зарегистрировали? Тогда подождите, *сейчас мы начнем искать журнал*.

– Нет-нет, благодарю вас. – Сергей, пятясь, покинул тесное помещение.

Вот и ледник.

Странно...

Сергей ясно видел перед собой широкий след в снегу, который, пересекая пологий участок ледопада, скрывался под снежными карнизами. След широкий и глубокий – прошли, наверное, не менее десяти человек.

«Они что, решили не ставить базового лагеря?! – Курочкин продолжал смотреть на темную полосу. – Этого не может быть! Бред какой-то! Переть через ледник все снаряжение и не оставить позади основной стоянки!»

³ Русская экспедиция на пути к Кагбахену. Давайте поторапливайтесь. Понимаете? Мы в курсе насчет вас (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.